

Ода Тюмени

Ода Тюмени

Выпуск 2

Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная сервисная библиотека» кат. № 1
ИНН 7104037663
Филиал МАУК «ЦБС»
«Информационно-библиотечный
центр для молодежи»
г. Тюмень, ул. Чернышевский проспект, 18, корпус 1

Издательский дом «Слово»
Тюмень
2009

ББК 94.3

О 40

Сборник издан при финансировании Администрации г. Тюмени.

МАУК «Тюменская городская юношеская библиотека», как организатор конкурса выражает благодарность Управлению по культуре Администрации г. Тюмени за полновесную поддержку издания.

Ода Тюмени: Сборник: Выпуск 2. - Тюмень:
ИД «Слово», 2009. -72с.

Сборник произведений самодеятельного словесного творчества жителей города и его окрестностей.

Издано по материалам третьего городского открытого творческого конкурса «Ода Тюмени» с сохранением авторских редакций.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Данил Лошков	4
Кристина Игонина	5
Никита Александров	6
Полина Замиралова	7
Дмитрий Шакаришвили	8
Ксения Иванова	9
Иван Афанасьев	11
Вера Понкратова	16
Светлана Ерофеева	17
Алевтина Бояркина	18
Сергей Дюкалов	20
Шамиль Баширов	21
Наталья Степанова	23
Анатолий Киселев	24
Владимир Усольцев	26
Пётр Шевченко	28
Людмила Дрозд	34
Татьяна Погребнюк	38

Проза

Людмила Дрозд	40
Елена Сенцова	43
Валентина Лазарева	54
Ксения Иванова	61
Светлана Ерофеева	63
Пётр Шевченко	65

ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

Тюмень, Тюмень, красива ты всегда –
И в дождь, и в снег, и в холода.
Мостов твоих люблю я красоту
И куполов сиянье свет.

Ты процветай, расти Тюмень моя,
Мы вместе встретим юбилей твой –
Пятьсот лет!

ПАМЯТЬ О ДАВНЕЙ ТЮМЕНИ

(из воспоминаний бабушки)

Пышная зелень, деревянные домики,
Тротуары дощатые, светёлки - горенки,
Цветы с подоконников улыбаются путнику
И зовут улыбнуться им часом полуденным.

А ещё палисадники с гроздьями пышными
Калины, рябины, с яркими вишнями.

Всё это взору так мило, так дорого,
В память мне врезалось с юности, смолоду.
И не расстаться мне с этим видением,
Что живёт в сердце, не тронуту временем.

ТЮМЕНЬ

Я здесь живу совсем недавно,
Но этот город полюбил.
Здесь есть друзья
И мама с папой,
И здесь я в школу поступил.

Хотя тебя я плохо знаю,
Но верю, что всё впереди.
У нас с тобой страна большая,
Но лучше город не найти.

В ОКНЕ ИЗ КОМНАТЫ МОЕЙ

В окне из комнаты моей
Видна песочница, а в ней
Играют малыши.

Качели и горка на площадке,
Там детвора играет в прятки,
И груша веточкой своей
Стучит в окно мне каждый день.

А на ветвях той самой груши
Сороки свили дом из прутьев.
И каждую весной слышна
Сорочья песня из окна.

ТЮМЕНЬ - МОЙ СЛАВНЫЙ ГОРОД

Тюмень – мой славный город,
Которым я горжусь.
Здесь нет степей и нет морей, Зато в нём есть леса
и реки,
И множество пушных зверей,
И нефть, и газ здесь есть у нас.

И нефть, и газ бегут по трубам,
По многим городам и странам.
И мы горды, что Тюмень наша
Даёт всем тепло и радость.

Как же здорово живётся
В нашем городе сейчас,
Новостройки здесь повсюду,
Растёт мой город каждый час!

НА АНДРЕЕВСКОМ

Догорает костёр полуночный,
Замирает закатный огонь,
Хор ветров всё поет неумолчно,
Искры-звёзды ложатся в ладонь.

И тревожные шепчутся сосны,
И туман ворожит над водой,
И берёзок растрёпаны косы
Над петляющей сонной тропой.

Тюмень утопает в солнце,
И правит июнь свой бал.
Рассыпаны по оконцам
Пятна света, и звук фанфар

Чуть слышен в угаре вечном
Насущных тревог и дел.
Квадрат площадей размечен
И нежной сиренью бел.

Фасады домов нарядны
И праздника будто ждут,
А клумбы – цветов гирлянды –
Рассеяны там и тут.

И город обласкан светом,
Церквей куполами свят,
Июньским теплом согретый,
И нежностью весь объят.

В СКВЕРЕ НЕМЦОВА

Там лиственниц заметный ряд
Для горожан уют создали.
И каждый, несомненно, рад,
Пройти по скверу без печали.

Мы ходим уж давным-давно
И замечаем изменения.
Наверно так и быть должно –
Прелестное о сквере мнение!

На постаменте бронзовый
Глядит на нас Герой Щербина.
Под ветром, тучей грозовой,
Он с нами в обществе едином.

В Тюмени нет подобных мест.
Найдутся в будущем не хуже.
Пусть будет к скверам интерес,
И скверы нам добром послужат.

ГОРОД ХОРОШЕЕТ

По Доудельной и Немцова
С великой радостью хожу.
И на Елецкой и Свердлова
Я на дома – дворцы гляжу.

Наверно так: «губа не дура».
Тюменцев радует давно
Прекрасная архитектура,
Увидеть всем, её дано.

Какой здесь уголок укромный:
Берёзы, липа, ели есть.
И сохранился тополь скромный,
Ему готова отдать я честь!

От центра города лишь квартал,
И от Туры недалеко.
До улицы 8-Марта,
Иду, и дышится легко.

Прекрасней мест нигде не сыщешь
Ты в нашем городе пока.
Но верю, что на Городище
Появится наверняка.

Все видят: город хорошеет,
Он раздаётся ввысь и ширь.
И сердце так приятно млеет,
Так процветай и впредь, Сибирь!

ДАУДЕЛЬНАЯ

Была хозяйкой Даудель
Лекарственного сада.
Растет на месте сада ель
И липа за оградой.

Так, в честь «хозяйки» названа
И улица давно.
Родною стала мне она,
Как жить там суждено.

Постройки деревянные,
Все тротуары – также.
И в вечера туманные
Ты мог запнуться даже.

Теперь дома – дворцы стоят
И украшают местность.
Приятен жителям наряд
На улице прелестной.

Вписались белостенные
Здесь корпуса больницы.
Хоть и обыкновенные –
От них светлеют лица.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Кончилась война и летним вечером
В «Спартаке» и в Городском саду»
Духовой оркестр! И делать нечего –
По Тюмени радостно иду.

Виды в городе пока что прежние,
Предвоенные, среди деревень.
Всюду слышны переливы нежные,
Радуетя город наш Тюмень

Духовой оркестр уж отзвучал давно,
И в деревне не слышна гармонь.
Люди очень редко ходят и в кино,
Телевизор приковал – не тронь.

Не забыть ушедших тёплых, светлых дней,
Музыки оркестровой живой,
Очень много лет скучаю я о ней,
Хоть давно в Тюмени словно свой.

По отцу и по рожденью
Деревенских я кровей.
Подрастал тут под Тюменью,
Поднимался вместе с ней.

Как и все – учился в школе,
И горжусь, что в меру сил,
Полюбил работу в поле –
И пахал, и хлеб растил.

Но смогу забыть едва ли,
Строго знал, как что росло.
Только в армию призвали...
Ты прости меня, село.

В городке своем военном,
Чуть пилотку набекрень,
Признавался откровенно:
«Родина моя – Тюмень».

И солдатом в сорок пятом,
В гимнастерке под ремень,
Сохранял в душе я свято
Лучший город – моя Тюмень.

На сургутских ли болотах
И в любой из деревень,
Говорил всегда с охотой:
«Мне всего родней Тюмень!»

Признан край тюменский всюду,
Мною познан вдаль и вширь.
Дорог он всему народу
И гордится им Сибирь! (1977г.)

Вот уже Тюмени за 400,
Быстро нижеет время нити бус,
Как мой город широко раскинулся,
Где когда-то Древний был Улус!

Вот музей, за ним речушка мелкая,
Из неё рождается река,
Помнят и теперь Тура с Тюменкою
О стоянке войска Ермака.

Здесь костры пылали, сыпля искрами,
И дымки тянулись к небесам.
Шёл державу покорять сибирскую
Разудалый волжский атаман.

Много помнят улицы и площади,
Много помнят старые дома,
Разве всё стихами скажешь скромными,
Тут писать бы целые тома.

РОССИЯ

Как сарафан березовый
К лицу Руси моей.
И шарфик, бело-розовый:
Ромашка, лён, кипрей.

Из речек говорливых
Затянут поясок.
В руках, из лоз красивых,
С малиной туесок.

Пшеничные колосья,
Что косы по плечам.
Густых туманов клочья –
Накидка по ночам.

Зелёные сапожки
Из трав с её лугов,
Кораллы, что в серёжках,
С рябиновых кустов.

Глаза, озера синие,
В ресницах капли рос.
Наречена Россиєю.
...Люблю её до слёз.

НАСЛЕДСТВО

По Царской улице мы не спеша, идем,
И словно книгу древности читаем
О славном милом городе своем
И многое, увы, о нем не знаем.

Кто строил на века особняки?
И кто в них жил в те давние столетия?
Причем, не худо жили старики,
Как оказалось, вопреки всем сплетням,

Трудились, пили сладкое вино,
Театры, балы часто посещали,
Всем по уму в их жизни воздано,
Красиво жить, тогда не запрещали.

И кто имел в кармане капитал,
Оставил нам в наследство зданья эти.
Хвалу и честь он городу создал,
Его Душа живет на белом Свете.

В Тюменское столетие заглянешь
И видишь почерк истиной культуры.
Века идут, но время не обманешь,
Оно – хранитель той архитектуры.

Сегодня возрождается опять
Старинный стиль особняков и зданий.
И мы готовы этот стиль принять,
К нам красота идет без опозданий.

Давайте преумножим красоту
Своим трудом на благо горожанам,
Чтоб каждый воплотил свою мечту
В реальность поздно или рано.

О ТЮМЕНИ

Россия велика. Тюмень в ней – сердцевина.
Наш город на пути у всех больших дорог.
Куда ни поверни – путь будет очень длинный,
Когда вокзальный ты перешагнешь порог.

С Востока, с Запада к нам мчатся поезда,
А мы гостеприимно открываем дверь.
И нам завидуют большие города
Хорошей завистью особенно теперь.

Тюмень подвижна: ездим и летаем,
Тюмень спортивна летом и зимой.
Мы всех артистов радушно встречаем,
Наш город по натуре молодой.

Какие моды видим на девицах,
Все как у парижанок, англичан.
И в офисах приветливые лица,
И пиджаки мужчинам по плечам.

Тюмень всегда был город современный
И отличался собственным лицом.
Большим, красивым будет непременно,
И назовут наш город молодцом!

ГОРОД СКАЗКИ МОЛОДОЙ

Поднимусь над суетой –
Посмотрю на город мой.
Словно праздничные стопки,
Солнцем плещутся высоты.

Я березовой зимой
Вижу город кружевной –
И от чуда я немею,
И от снега я хмелею.

Дарит летом мне Тюмень
Снов цветную карусель –
Красотой зеленоглазой
Очаровывает сразу.

По Республике пройду –
В сто эпох я окунусь.
Здесь Ермак и Филофей,
Здесь Текутьев и Эрвье.

Открывает неспроста
Здесь сибирские врата
Хлебосольный город мой –
Город сказки молодой.

**ОСОБЕННОСТИ ОХОТЫ НА ЮГЕ
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

К востоку от Тюмени в Армизоне
Так явственно дыхание степей.
Под осень нет покоя в том районе
От криков диких уток и гусей.

Ты едешь в Армизон в охотничий сезон,
Где так чисты ночами небеса!
Сидит уже в стволе картечный твой патрон-
Кабан отнюдь ещё не колбаса!

Ты видел, как взлетают пеликаны
Над гладью остывающих озёр?
Их ждут на юге солнечные страны
И паспорт им не нужен за бугор.

Ты едешь в Армизон всего на пару дней
С надеждою душою отдохнуть.
Ты будешь отдыхать, а пара лебедей
Взлетит с бугра и дальше двинет в путь.

Продута степь холодными ветрами,
Сюда с простудой ехать не резон.
Народ здесь не избалован врачами.
Пусть хилый не суётся в Армизон!

Ты едешь в Армизон не к тётце на блины
С ночёвкою у самого костра
И пусть не лезут в сон лесные кабаны
Ты завтра с ними свидишься с утра.

И вот пойдёт азартная охота,
Которою ты бредил целый год.
Для егеря охота как работа,
А новичка бросает в хладный пот.

Ты едешь в Армизон на пару выходных,
Какая страсть влечёт тебя сюда?
Удачею своей порадуешь родных,
Хотя везёт конечно не всегда.

В лесах идёт, без преувеличенья
Порою настоящая война!
Мужчинам не хватает приключенья:
На что же нам охота и дана.

Ты едешь в Армизон, чтоб в схватке победить
С надеждою на ствол и зоркий глаз.
И может быть, тебе удастся пробудить
Охотничий инстинкт в опасный час.

Таиться будешь номером в засаде
Разбавит ожиданье самогон.
Прислушиваясь в тихом листопаде,
Идёт ли в твою сторону загон.

Ты едешь в Армизон от суетных забот,
Не чувствуя ни страха, ни вины...
Здесь множество дорог вдоль пашен и болот.
Одна из них твоя тропа войны!

ГОРОД ЮНОСТИ ТВОЕЙ

Над Турой торжественно и строго
Рвется в небо колокольный звон.
Ты спешишь привычною дорогой
В город, где когда-то был рожден.

Где зимой на лыжах мчался с горки
И встречал рассветы на реке
И из школы редкие пятерки
Приносил в измятом дневнике.

Ты пройдешь по новомодным плитам
Средь уютных чистеньких аллей
Загрустишь, как по друзьям забытым,
Не найдя знакомых тополей.

И как будто заново откроешь
Над Турой летящий медный звон.
И поймешь, что сам чего-то стоишь
Только оттого, что здесь рожден.

С каждым днем дорог все больше будет,
Белый пух тюменских тополей.
Хорошо, что на Земле есть город –
Добрый город юности твоей.

**ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ПЕРСТ СУДЬБЫ»
ГОД ПОБЕДЫ**

... Год Победы был медовым,
Детским – стал сорок шестой:
По стране - повально роды,
И сему ответ простой.

Миллионы жизней съела
Ненасытная война...
В дни военные сидела
На пайке любви страна.

И тоска, и зов природы
В сорок пятом взяли верх –
Вот затем царил так долго
Подзабытый сладкий грех.

И, естественно, в итоге
С миром дети в дом вошли,
Образца сорок шестого –
Поколение любви.

Сколько их на свет явилось?
Сотни тысяч, миллион?
Но в тот год страна взбодрилась:
«Дети есть, так всё путём»!

Только путь для них тернистый
Уготовила судьба:
Встать с колен не так - то просто –
Полстраны смела война.

Зрело это поколение
В годы мирных перемен,
В кои жизнь была сражением
Для народа каждый день.

Им пришлось пройти лишения,
Не по возрасту, сполна,
Быстротечному взрослению
Принуждали времена.

По наследству им достались
Злость и ненависть к войне,
Жизнестойкость, крепче стали,
И приверженность семье,

Вера в партию, как в Бога,
В мудрость лидеров – вождей,
Чувства Родины и долга,
В чистоту её идей.

И мужали, подрастая,
Сыновья фронтовиков,
В восемнадцать и им предстало
Встать защитниками в строй

Быть солдатом – не опала,
Не насилье или срок,
А обязанность святая,
Честь высокая и долг:

Пред Отчиной и народом,
Славой воинской былой.
Пред Историей и Богом
И грядущею судьбой.

Таковым мировоззрением
Обладал сорок шестой –
Поколение возрождения
Жизни мирной, трудовой.

Покидали дом без страха,
Без стенаний, громких слов,
Знали: служба – это свято
Для мужчин – сибиряков.

МЫ ЕДЕМ УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ В ТЮМЕНЬ

Окончена школа. И, вот, настал день,
Вновь едем учиться – учиться в Тюмень.
Учиться работать, и жизнь увидеть,
И годы молодые ученью отдать.

Со школьным дружкой все уже решено
О том, что мы едем, известно давно.
Толпа, многолюдье – в Тюмени. Вокзал.
Куда и как ехать, дедок рассказал.

-Учиться, ребята? Доехать пустяк!
Давайте, в час добрый, ежайте, вот так...
Нас быстро до места автобус домчал.
Сошли мы на третьей, как дед рассказал.

Асфальт подметенный, газоны кругом.
А вот и с колоннами белыми дом.
К колоннам ступени высоко ведут
Здесь нашей науки могучий редут.

Приемных экзаменов шок и дрожинки...
Но все позади, мы студенты «Машинки».
И радости сколько! И сколько уж дел!
Учиться! Учиться! так Ленин велел.

Три года науки – все быстро прошли.
Здесь практики опыт и знания нашли.
Начерчен проект и диплом защищен.
Прощай наш хороший, отеческий дом!

Гудение моторов, станков и прессов
Нас встретил Строймаш – завод первый без слов...
Без слов посвящения в рабочий народ,
Оформили четко в тот памятный год.

В цеху механическом мастер сказал:
-Привет пополнению! – давно я вас ждал.
И каждому он указал на станок:
-Дерзайте, ребята. Точите все в срок!

Текла под резцами упорная сталь.
Наука работы – то время не жаль.
Стал опытным глаз, и окрепла рука,
И труд стал красив и наука легка.

Окончится смена с желаниями в лад,
Идем в летний вечер на танцы в горсад.
В работе летели всей юности дни.
И были мы с другом теперь не одни.

В цеху коллектив нас учил и растил,
И спорта задор в наши души вместил.
Росла, хорошела с годами Тюмень,
Наш город любимый – оплот деревень.

Расширены улицы, стройки кругом,
Стал очень нарядным, красивым наш дом.
Над тихой Турою – ажурно мосты,
На улицах новых – газоны, цветы.

Летели года и науке верны,
Мы стали элитой рабочей страны.
Мой друг – инженер, по металлам дока!
Моя же конструкции чертит рука.

И стал для нас город любимым, родным.
И города нет, что сравнился бы с ним.
Здесь годы прошли – нашей юности звень.
Поклон тебе, мать, дорогая Тюмень.

ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ

Весна задержалась и белым пластом
Укрыл снег деревья и старенький дом.
Но май, пьян – кудесник, проснулся, зевнул
И снежную замять водой обернул.

И та, растекаясь журчащей волной,
Ручьём побежала по Береговой.
В миг устремилась к Туре ледяной,
Поздравить засоно с беглянкой весной.

Весна на Заречной, весна на Морской
И скоро деревья ослепят листвою.
Зелёные листья под птиц щебетанье
Девчат и ребят позовут на свиданье.

И в клумбы весна вновь посадит цветы
И юной сирени украсит кусты.
Весна на Заречной. Среди тополей
Всех краше берёзка и сердцу милей.

И ветер проказник ей треплет серёжки,
А солнышко греет белёдые ножки...
И рада теплу ты, Большая Заречная.
Реки быстротечной пленница вечная.

ГОРОД ЮНОСТИ МОЕЙ

Город юности моей!
Молодых счастливых дней
Календарь неисчерпаем.
Мы с тобой вдвоём шагаем,

Я старею, ты всё краше,
И изящно разукрашен
Разноликими цветами
Александровский твой сад.

А мосты стропил руками
Над Турой повисли в ряд.
На вокзале нас с друзьями
Провожают в стройотряд.

Мы простились не надолго,
Город юности моей.
А в тайге гремела стройка,
Пела песни летних дней.

Но окончена работа
И вернулся я домой.
Осень листьев позолоту
Сыплет щедрою рукой.

Вновь учёба. Мы студенты.
Молодость! Всё нипочём.
И на деньги от стипендий

Жизнь весёлую ведём.
Быт студента хоть и скуден,
Но свободой пьянит.
А армейских строгих буден

Время медленно летит.
Промелькнули службы годы,
Город юности моей.
И весенняя природа

Закружила в вихре дней.
Я вернулся. Прошёл снова
Улицей родной своей.
И хлебнул чуток хмельного

В кругу преданных друзей.
Ну, а дальше, как по нотам:
Дом, семья, завод, работа.
Ностройки, перестройка,

Первая у сына двойка...
Черных дней холодный шквал –
Был Союз и вдруг пропал.
Бартер захлестнул стеною.

Заводскою проходною
Стал базарный городок,
Где господствовал «челнок».
Город юности моей,

В темноте без фонарей
Так же, как и вся Россия,
Ты искал пути иные.
Что обрёл? Где потерял?

Но таким, как есть ты стал,
Ты растёшь и год за годом
Бежит время полным ходом.
Уж минуло тридцать лет,

Юности растаял след.
Ты ж Тюмень — юна, красива,
Своенравна, чуть спесива...
Красят лишь тебя года.

Хоть в Туре давно вода,
Уж течёт совсем другая,
Ты всё та же – молодая:
Центр сотен деревень –
Вечно юная Тюмень. (2009г.)

КРАЙ РОДНОЙ

Край мой, любимый,
Край мой, родной!
В сердце хранимый,
Ты всюду со мной.

Тебя вспоминаю
В чужой стороне.
Ты белой берёзкой
Приходишь во сне.

И улицей гулкой
Средь шумного дня,
Которые сутки
Тревожишь меня.

И гладью озёр
В облаков белизне
В небесный простор
Я умчусь на коне.

И шелест листочков,
И птиц пересвист –
Незримый источник,
Что счастье хранит.

Там где-то остались
В родной стороне:
На яблоньках завязь
И ландыш в траве,

И ярко горящий
Солнца рассвет.
И силу дарящий
Кедров привет.

И милого дома
Живое тепло,
Где бережно мама
Лелеет его.

И как берегиня
Из древних времён
Отчизна-Россия
Нас ждёт у окон.

Край, мой любимый,
Край, мой родной!
В сердце хранимый,
Ты всюду со мной!

«ТЮ - 06 - 00»

Каких только ни повстречаешь
Легковых нынче и грузовых!
Я ж полуторку вспоминаю
Из далеких сороковых...

В наш зеленый двор на Свердлова,
Где сейчас вырастает музей,
Фронтоник – шофер – дядя Лева,
Приезжал навещать друзей.

Пока он беседовал с другом,
Мы, все игры, забросив вмиг,
Босоногим глазастым кругом
Обступали его грузовик.

А потом до Советской бежали
(Он посмеивался у руля)
И на всю Тычковку кричали
Номер: ТЮ – ноль шесть – два нуля!

Иной раз, коли был без груза,
Вдруг, командовал нам от ворот:
«А ну, дружно взлетайте в кузов!
Прокачу вас, веселый народ!»

Дух захватывало от счастья:
От мельканья домов и людей,
От летящих волос и платьев,
И иных ветровых затей!

Останавливался – за городом –
У Текутьевского кладбища,
Усмехался в рыжую бороду
И подмигивал, синим глазищем.

Отъезжал, газанув на прощанье,
Впереди ждали лес и поля.
Мы кричали ему: «До свиданья,
Дорогой ТЮ – ноль шесть – два ноля!»

САДЫ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Только – только бои отгремели,
И солдаты вернулись домой,
Зазвучали вальсы в Тюмени,
Их играл нам оркестр духовой.

В понедельник – в саду «Шверник»,
В среду в «Загородном», в «Городском»,
А в субботу «Спартак» и «Ленинск»
Зазывали всех на бостон.

По воскресным денькам над Тюменью
Оркестровый летал перебор,
На аллеях с березовой сенью,
Меж влюбленными шел уговор:

«В понедельник приди в «Шверник»!
В среду встретимся в «Городском»?!
А в субботу тенистый «Ленинск»
Нам подарит любимый бостон!»

Так оркестры все пели и пели,
Навея то радость, то грусть,
И девчонки от вальсов пьянели,
Словно песню, твердя наизусть:

«В понедельник бежим в «Шверник»,
В среду встретимся в «Городском»,
А в субботу «Спартак» и «Ленинск»
Позовут нас на вальс – бостон!» ...

Нынче наших садов уже нету,
Только «Загородного» – чуток.
Промелькнули и весны, и лета,
С ними – юности светлой вальсок.

Но едва лишь прикроем мы веки,
Вдруг, услышав оркестр духовой,
Сквер Немцова становится «Шверник»,
А Цветочный бульвар – «Городской»,

У Дворца пионеров про «Ленинск»
С кленом стареньким пошелестим,
Положив у «Прощания» вереск,
И «Спартак» вспомянуть поспешим...

Так бежим в понедельник в свой «Шверник»,
Цвета яблонь вдохнем в «Городском»,
И кружением листьев пусть «Ленинск»
Напоеет нам романс о былом.

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЛАДИСЛАВУ КРАПИВИНУ

Вовсе не был ничем примечателен
Городок, где бежала река.
Жил в нем мальчик с глазами мечтателя
И отважной душой моряка.

Мастерил из бумаги журавликов,
Верил в сказки, смеялся во сне,
И, как все, с пацанами кораблики
В ручейке он пускал по весне.

А под окном высокий тополь
Качал кудрявой головой,
И про далекий Севастополь
Шептал ему своей листвою.

Законам мужества и чести
Учился он в родном дворе –
В беде всегда держаться вместе
И честным быть в любой игре.

А жизнь такой казалась длинной,
И выше счастья он не знал,
Когда в рубашке тополиной
Над спящим городом летал.

Мчались дни, пролетали недели
Он с Тюменью расстался без слёз,
Но мечту о своей каравелле
Он с собою из детства увёз.

Перед ним широко и доверчиво
Распахнула просторы Земля,
А в Тюмени, на улице Герцена
Шелестели, грустя, тополя.

Не стал мальчишка капитаном,
Отважным лётчиком не стал,
Но много сказок и романов
В краях далёких написал.

Когда всё чаще стало детство
Ночами звать в свои дворы,
Он возвратился, поседевшим,
На берега родной Туры.

Чтоб в час, когда приходит полночь
Глядеть с надеждой в высоту...
Спасибо, Владислав Петрович,
За возвращённую мечту!

ЗОЙКИНА МОЛИТВА

Родилась я в Тюмени на улице Свердлова. Одной из первых книжек, прочитанных мною самостоятельно, была «Дикие лебеди» Андерсена. Ах, как понравилась сказка! Я совершенно ясно видела большой светлый зал королевского дворца, девочку – принцессу, сидящую за невысоким столом у большой раскрытой красивой книги, а вокруг – одиннадцать братьев, с любовью наблюдающих, как радуется их сестра, разглядывая чудесные картинки, оживающие всякий раз, когда она переворачивала страницу. И я радовалась вместе с ней! А потом горевала, когда злая мачеха заколдовала принцев, превратив их в диких лебедей, с шумом вылетевших в распахнутое окно зала, а Элизу прогнала из дворца. Вместе мы плутали по лесам и болотам, и мне жгла руки крапива, из которой, Элиза, по совету доброй волшебницы, плела спасительные рубашки братьям. Я страдала от горьких, тяжких несправедливостей, выпавших на ее долю, и, в конце концов, радовалась новому обретению братьев и счастья!

Не один день просыпалась и засыпала я с мыслями о сказке и все ждала чего-то необычного. И, вдруг – приходит к нам мамина подруга «Тюнечка Миронова», наша любимая тетя Тюня. Как всегда, она в нарядной белой блузке, с душистым кружевным платочком за рукавом и крошечными «бирюзовыми» цветочками в ушах. На дворе лето, до нового года далеко, до дня рождения еще дальше, а она вынимает из сумки куклу с длинными, волнистыми, «пепельными» волосами и протягивает ее мне! Не веря глазам, выдыхаю: «Это Элиза?!» Чуть помолчав, внимательно глядя на меня, тетя Тюня говорит: «Да, это Элиза. А как ты догадалась?» Еле слышно шепчу: «Я узнала ее».

Во дворе мы с девочками решили отпраздновать завтра день рождения моей Элизы.

У сестры Нины, шившей «на заказ» своим знакомым платья, я вымолила атласный лоскуток цвета утренних облаков, освещенных всходящим солнцем, и, отделив от него несколько нитей, оплела ими волосы Элизы, потому что именно так, «жемчужными нитями», украшали ее к свадьбе с принцем в сказке. Утром, уходя на работу, Нина подарила мне, «к праздничному столу», две картофельных оладушки. Разрезав каждую на три части, я положила их на тарелочки кукольного сервиза. Гости не заставили себя ждать. Все уселись на полу и стали поздравлять Элизу. Вдруг, дверь резко распахнулась и в ней появилась громко кричащая соседка тетя Маша. Что она кричала, не помню, но изо рта ее сыпались красные, а из глаз - синие искры! Так же внезапно, как появилась, она исчезла. Галя, самая старшая из нас, быстро вскочила и набросила крючок на петлю двери. Ничего, не понимая, мы испуганно смотрели друг на друга, а потом стали шепотом обсуждать, как наказать зловредную Марью – так мы звали ее между собой – за испорченный праздник. Долго не могли придумать! Наконец, Зойка, самая отчаянная и единственная крещеная, говорит: «Я придумала! Пойдемте к Ларке». Чтобы не встретиться с Марьей, мы по очереди выбрались во двор через окно. Этому обучил меня брат Толя – «на всякий случай». Я выбиралась первой, показывая каждой следующей, за что держаться и куда ставить ногу: мы жили на втором этаже. Прибегаем к Ларке. Зойка смело идет прямо в передний угол. Там, над комодом, висят украшенные бумажными цветами две иконы – «Боженьки и Богородицы». Зойка опускается перед ними на колени и начинает читать молитву, приказав нам все повторять за ней в точности. Мы подчиняемся беспрекословно.

До сих пор не знаю, настоящая ли это молитва, но поскольку других очень долго не знала, эту иногда, тайно, про себя, читала перед экзаменами. Вот она: «Богородица по церкви похаживала, на головке крестик понашивала, спит ли, не спит ли Ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душеньку, день и ночь, час и полчаса. Аминь» Затем она (и мы за ней) касалась лбом пола и говорила: «Пусть у

Марья зубы заболят». Повторив это трижды, Зойка встала и гордо прошла мимо нас, еще сидящих на полу. У двери она остановилась, оглянулась и говорит: «Ну что расселись-то?! Пошли на улку!»

Двор встретил нас криками мальчишек: «Где вы там застряли? Все готово уже!» Посреди поляны лежало полено, а через него – доска. На том конце ее, который касался травы, аккуратной кучкой лежали коротенькие палочки. Второй конец доски торчал кверху. Нас ожидала игра «Двенадцать палочек». Встали в круг, и наш постоянный ведущий Вовка начал считалочку: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты такой. Выходи поскорей, не задерживай добрых людей».

За играми мы позабыли о своих огорчениях. Утром я только поела, слышу, девчонки зовут меня выходить. Выбегаю, они стоят напротив нашего крыльца и смотрят в сторону ворот. На всех лицах – изумление и трепет. К воротам подходит понурая Марья, опухшая щека ее подвязана теплым платком!..

Мы не злорадствовали. Наоборот, стало жаль тетю Машу – все же у нее, скоро год, как погиб на фронте муж, отец Юрки. Она всякий раз, как получала за него деньги «по аттестату», на весь двор горестно причитала: «На кого покинул ты нас, сирот, кормилец наш?!» Шло лето 1945 года.

Больше мы никогда так не молились, а скоро и совсем забыли об этом. Вспомнили недавно, когда Зойка пришла ко мне на «баальшой» юбилей. Было и смешно и грустно.

**ЛИСТАЯ СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ
(СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ)**

Полина училась в женской гимназии, а через забор от нее находилось мужское реальное училище. Девушки и юноши выбегали на перемене во двор и через забор

поглядывали друг на друга. Полине приглянулся паренек с золотыми кудрями, и она, впоследствии, смеясь, рассказывала внукам и правнукам, что полюбила его за ясные пуговицы на форменном пиджаке. Поля была на год старше Коли: ей 16, ему 15. Любовь между Полиной и Николаем вспыхнула такая сильная и страстная, что они вскоре решили пожениться, но венчали в церкви только с 18-ти лет. Влюбленные поехали в Екатеринбург к архиерею, чтобы попросить разрешения обвенчаться, и, видя такую чистую, сильную любовь, он не смог отказать молодым. Они повенчались.

В 1916 году у них родилась дочь Елена, затем Валентина и Галина, и в 1938 году младшая дочь Нина.

Полина Ивановна воспитывала детей, а когда они подросли, работала заведующей детским садом.

Николай Филиппович ... Селянин, закончив реальное училище, Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал в Тюмени, затем начальником станции Богданович Свердловской железной дороги и был награжден званием Первой пятилетки железнодорожного транспорта. В 37-м году по ложному доносу своего заместителя-карьериста был помещен в следственный изолятор НКВД г. Тюмени. Но, к счастью, следствие вел его друг по реальному училищу, который был убежден в честности и порядочности Николая Филипповича, и это его спасло: через год мой прадед был

освобожден, но вернулся домой весь седой и свои буйные кудри стал брить «под Котовского».

Впоследствии был полностью реабилитирован.

Старшая дочь Елена мечтала поступить в Московский институт на факультет иностранных языков. Но когда Полина Ивановна увидела суету московской жизни, она побоялась оставить дочь в столице одну. Позднее дочь Елены – Эмилия осуществит мечту своей мамы, окончив факультет иностранных языков.

Вернувшись, домой из столицы, юная, голубоглазая, белокурая Леночка стала работать оператором железной дороги, где она и встретила свою судьбу – высокого, элегантного, обаятельного Виктора Михайловича Сенцова, работавшего старшим диспетчером.

Они полюбили друг друга. В то же время в нее был влюблен Василий Батаков – комсомолец, агитатор, активист. Но романтичный, любящий романсы Виктор, покорило сердце юной Леночки – Лёлечки, как звала ее мама. Они поженились: Елене было 19 лет, Виктору 24 года.

Полина Ивановна поехала в Москву за приданым для дочери. «Я взяла корову за рога, вывела за ворота и продала, чтобы обеспечить достойное приданое своей старшей дочери», – рассказывала позднее своей внучке Миле Полина Ивановна.

Поженившись, молодые уехали на ст. Поклевская Свердловской железной дороги, где Виктор работал заместителем начальника станции, а Елена – учительницей начальных классов в местной школе. И когда летом, в тщательно выглаженной белоснежной форме (белые брезентовые туфли он чистил то мелом, то пемзой и даже зубным порошком) он подходил к школе встречать свою любимую жену, молодые учительницы подбегали к окнам и восторженно кричали: «Елена

Николаевна, ваш муж как будто выпрыгнул из журнала мод!».

Они были красивой парой. У Виктора волосы черные, как вороново крыло. Глаза светло-серые, чуть грустные, задумчивые; мягкая затаенная улыбка. Стройный, высокий Виктор умел безукоризненность в одежде сочетать с шиком. Елена – миниатюрная блондинка, нежная, женственная («ангелок» – называла ее свекровь) на высоких каблуках едва доставала мужу до плеча. Смущаясь, она говорила Виктору: «Не пойду с тобой гулять. Ты вон, какой высокий, а я такая маленькая». На что он ей с улыбкой отвечал: «Я лошадей-то не люблю».

Как он обожал свою молодую жену! Какой это был прекрасный, заботливый муж! Часто, надев фартучек, он ловко справлялся со всеми домашними делами: стирал, мыл, готовил. Бывало, возвращалась Леночка с работы, а на столе ее ждали пельмени, идеальный порядок в доме.

В пожилом возрасте Елена Николаевна вспоминала: «Принесет, бывало, яблоки большие, красные и скажет: «Это тебе, Леночка!» Я ему: «Давай, Виктор, пополам». А он мне: «Нет, я уже большой, сильный, а ты у меня вон какая маленькая... Ленкрош, ешь ты!» Ленкрош меня звал...»

В 1938-м году у них родилась первая дочь Нэлли, очень похожая на отца, в 1940-м – Эмилия, умершая в младенчестве, и в 1941-м – третья дочь Эмилия (моя мама). Отец обожал своих детей. Однажды уехал в командировку всего на день. Утром уехал, а вечером вернулся. Днем приехала за внучкой бабуся – Полина Ивановна и увезла Нэлочку в Тюмень погостить. В тот же вечер Виктор, скучая о ребенке, поехал за дочерью.

Позднее моя бабушка Елена Николаевна вспоминала: «Гляжу в окно и вижу: идет Виктор, за ручку ведет трехлетнюю Нэлочку в белом платице в синий горошек. Не утерпел. Не смог. Так любил!»

Словно предчувствуя свою скорую гибель, папа часто пел маленькой дочери колыбельную: «О, маленькая Нэлли, побудь со мной. Тебя я не забуду в тиши ночной...»

В 1942-м Виктор Михайлович Сенцов ушел на фронт добровольцем, несмотря на то, что железнодорожники имели бронь. Эшелон уходил ночью. Дети спали. Попрощавшись с женой, он у порога замедлил шаги и вернулся, чтобы поцеловать спящих детей. А утром соседка сказала Елене: «Раз вернулся – не жди, не придет». Так и вышло.

22 февраля 1943 года под Старой Руссой в тяжелом бою погиб В.М. Сенцов.

Уходя на фронт, он купил корову – детям нужно молоко. С фронта писал жене: «Продай все мои вещи, продай все, но сбереги детей».

Елена обменяла лучшие костюмы мужа, другие вещи на стог сена для коровы, который украли. В это же время пришла похоронка. А накануне 5-летняя Нэля, проснувшись, сказала: «Мама, я сегодня видела сон, будто Гитлер бросает в наше окно головешку». Спустя некоторое время в дверь постучался почтальон.

Узнав о гибели Виктора, Полина Ивановна напишет дочери: «Леля, продавай корову, забирай детей и приезжай ко мне в Тюмень».

Виктор родился в г. Камышлове в 1911-м году. У его матери Антонины, бабы Тони, как звали ее внуки, было 9 детей: Виктор, Иван, Нина, Анестифор, Галина, Феодосия, Александр, Павел, Фима. Брат Иван – офицер Красной Армии погиб в годы Великой Отечественной войны (служил и жил перед войной в г.Фрунзе, где у него остались жена и двое детей). Младший Анестифор был

рабочим и всю жизнь прожил в Камышлове. Сына назвал Виктор – в память о брате.

Из воспоминаний внучки Эмили: «Когда мне было 9 лет, мы с мамой и сестрой приехали к бабе Тоне в гости в Камышлов. Дом у нее был чистенький, умытый солнцем, с большим садом. А как выйдешь из дома – вдали стоит стена соснового бора. Баба Тоня – старушка в платочке, худоцавая, высокая, поджарая с прямой спиной юной девушки (постоянно носила ведра на коромысле, воду брала из колодца, чтобы поливать свой огород). Картошка росла у нее на песке: золотистая, бархатная, белая, рассыпчатая – вкуснейшая, которой она и торговала, не получая пособия: отказалась от пенсии за двух погибших сыновей в пользу внуков.

Когда баба Тоня ставила на стол дмящуюся горячую картошку, говорила: «Ишь, как раскинулась!» Бывало, окликнешь: «Баба Тоня». Она обернется, тебя увидит – глаза засияют от любви, счастья и обожания, разглядятся морщинки. Радость необычайная – внучка приехала! Не знает, чем угостить. Часто вспоминала сына. Достанет юбку (синюю с блестящими набивными узорами), скажет: «Вот, посмотри, Витя с Леночкой подарили, когда поженились. Всю жизнь храню».

Летней жаркой июльской ночью лягут спать на большую кровать бабушка с внучкой. Баба Тоня вспоминает: «Ночью лежу. Не сплю. И вдруг слышу: стук в окно. Так стучался только Витя, прежде чем взбежать на крыльцо... Вздрагиваю, подбегаю к окошку. Витя! Нет... Лишь пронзительный холодный ветер швыряет ветки деревьев в мое окно. Моего любимого сыночка Вити больше нет...». Помолчит и опять: «Витя, твой папа, был у меня такой послушный, добрый, ласковый мальчик. Никогда не хулиганил, всегда меня слушался. Но однажды, лет шести, он вздумал посреди двора построить мельницу. Построил, а затем решил ее поджечь. Я

выбежала на крыльцо, увидела и сказала ему: «Витя, я тебя накажу!» А Витя, взглянув на меня, ответил: «Мамочка, не наказывай меня. Я вот когда вырасту, куплю тебе шубу и красную шаль». Сердце мое смягчилось».

«Милечка, выйди на крыльцо», - зовет баба Тоня. Я тут же выбегаю. Вижу: висит на заборчике в саду умывальник с утренней, прохладной водой, который весело гремит, и холодные струи прогоняют мой сон. Раннее утро. Высокая раскидистая черемуха глядит из сада во двор, свесив свои тяжелые от спелых ягод ветви, а кругом сад и двор утопают в цветах. Яркая настурция вьется по всей земле двора, обнимает крыльцо и бежит оранжевой дорожкой до калитки. И баба Тоня говорит мне: «Посмотри, моя настурция распустила косы аж до самых ворот», – вспоминает Эмилия.

Когда пришла похоронка на сына, баба Тоня, собрав продукты, бидон молока, картошку и прочую снедь, шла из Камышлова в Поклевскую многие километры, чтобы покормить своих внучек – теперь уже сирот.

«Утром сплю. 5 утра. Баба Тоня уже на ногах. Затопила русскую печь. Поставила в нее простой деревенский пирог. И, кажется, что вкусней его я ничего не едала», – вспоминает внучка. – «Выжить ей помог огород...»

Когда она умерла, 20-летняя Миля приехала на похороны, и тетя Нина – дочь бабы Тони, ей рассказала, что, умирая, мать попросила: «Положи со мной побольше цветов: мне там веселее лежать будет...».

«Тяжелую, трудную жизнь прожила моя баба Тоня – великая труженица. Всю жизнь она получала пенсию – 20 рублей».

Елена, приехав в Тюмень, стала жить с детьми у мамы. Устроилась работать в 14-ю школу учительницей

начальных классов. Девочки пошли в детский сад. Чтобы прокормить большую семью, Полина Ивановна работала в холодном дощатом ларьке рядом с проходной мясокомбината, где торговала обрезью, субпродуктами, костями, кровяной колбасой всю войну. И голодные люди, оставив малолетних детей

дома, в 4 утра занимали очередь у ларька, несмотря на лютый мороз. Утром, когда открывался ставень ларька, вся эта кричащая, голодная толпа людей буквально осаждала ларек, и Полина Ивановна в 40-градусный мороз, на пеньке, сама рубила кости топором замерзшими руками, тут же взвешивала на весах. Однажды, когда толпа вышвыривала из очереди женщину, та кричала: «Полина Ивановна, я оставила дома у горячей печки 6-х голодных малых детей. Я в 4 утра заняла очередь, как все... Ведь они дом спялят...». Полина Ивановна сказала спокойным голосом, но решительно и твердо: «Вот что, товарищи, если вы не пропустите эту женщину я закрываю ларек, прекращаю торговлю». Мгновенно толпа расступилась и женщина, вся в слезах, наконец, получила свой заветный продукт. Уходя, сказала: «Полина Ивановна, вы – святой человек. Я молиться на вас буду».

Мясокомбинат находился почти за чертой города, перед ним был частный сектор, а дальше шли поля и железнодорожные рельсы. Поздним вечером, наконец, закрыв ларек, она прятала пакет с деньгами под полушубок (бухгалтерия уже давно была закрыта) и по шпалам возвращалась домой с выручкой – в то время, когда за булку хлеба могли убить. Домой приходила вся заснеженная, и внуки помогали ей раздеться: снимали с бабушки полушубок, шаль, кофту... Затем она садилась на низкую скамеечку у голландской печки и грелась, потирая руки, приговаривая: «Ах, как хорошо, тепло!» Отогревшись, доставала ухватом чугунок из печи, полный румяной картошки и томленых косточек. Вся семья

садилась ужинать за большим дубовым столом. После ужина все ложились спать, а бабуся, надев очки, долго еще сидела за столом и читала газеты, журналы, перечитывала письма с фронта. В одном письме дед писал:

«Здравствуйте, ребята, гвоздь вам в пятки.

Вспомните, кто так говорил, тот голову за Родину сложил.

Ну, пора кончать – скоро обед. До свидания. Ваш папа и дед»

Он уже знал, что Виктор, его зять, погиб на фронте.

На фронте Николай Филиппович вел дневник, который пронес через всю войну в кармане гимнастерки. В семейном альбоме среди фотографий и сегодня можно увидеть небольшой портрет старшего сержанта, начальника военной телефонной станции Н.Ф.Селянина. В минуты затишья после боя его запечатлел художник Мещеряков. И этот портрет в то время был на Доске Почета части.

В 1942 году Николай Филиппович был командиром отделения, командиром телеграфного отдела, затем был назначен начальником военной телефонной станции.

Вот строчки из его фронтового письма: «Мы готовимся для того, чтобы дать крепкий отпор и уничтожить зарвавшегося врага, освободить нашу Родину от немецких захватчиков, освободить от ига фашизма не только наш народ, но и народы других стран».

И вновь скупые строчки фронтовой хроники в его дневнике:

«19.7.42г. Дивизия с марша вступила в бой.

3.11.42г. Приказом комдива № 207 присвоено звание старший сержант. Назначен начальником военной телефонной станции.

31.1.43г. Прибыли в Болотное. В пути были обстреляны из пулемета с самолета противника.

2.3.43г. Сильная оттепель. Валенки полные воды. Идем на Белгород».

Старый солдат с честью преодолевал трудные километры фронтовых дорог.

«11.3.43г. Противник ведет сильный артминометный огонь. Наша артиллерия не уступает. От гула орудий и взрывов дрожит земля. Находимся в окружении.

16.3.43г. Противник провел сильный оружейный огонь. Выходили с боем».

Дочери Николая Филипповича нередко вспоминали: «Как-то раз мы увидели папу в одном из выпусков фронтовой кинохроники в тот момент, когда он вместе с бойцами выходил из окружения. Всей семьей мы бегали в кинотеатр, чтобы еще и еще раз увидеть дорогое, любимое лицо нашего отца. Как только он появлялся на экране, мы кричали: «Папа, папа!» И никто в зрительном зале не делал никаких замечаний, наоборот, иной раз киномеханик «прокручивал» пленку для нас несколько раз».

И снова строчки из фронтового дневника моего прадеда.

«3.7.43г. Награжден орденом Красной Звезды – «за обеспечение непрерывной связи в боях за форсирование реки Северный Донец».

После войны на вопрос – за что он был награжден этим орденом, дед с улыбкой говорил: «За то, что кланялся! Осуществлял связь под бомбежкой».

«23.3.44г. Винницкая область 168 км. Всего прошел 2143 км.

18.12.44г. Граница Венгрия – Словакия.

21.2.45г. Ночь бомбежки.

8.05.45г. В 8 часов 15 минут стало известно о капитуляции Германии. В 8 часов 30 минут выехали вперед. 10 часов 40 минут – из Австрии в Чехию.

9.05.45г. Германия полностью капитулировала.

2.06.45г. Приказом № 44 награжден орденом Отечественной войны II степени.

19.07.45г. – Со станции Шпофон отправлен в 20.00 на Родину.

8.08.45г. Прибыл в Тюмень».

Это последняя запись во фронтовом дневнике нашего деда, русского солдата, прошедшего с боями пол-Европы, – мужественного воина, честного, порядочного человека, прекрасного мужа, отца и деда. Светлую память о нем, и поныне храним мы – его внуки, правнуки и праправнуки.

В 1945-м году пришла с фронта и дочь Галина. В это время ее мать Полина Ивановна продавала мороженое неподалеку от своего дома, возле кинотеатра «Тэмп». Кто-то из соседей крикнул: «Полина Ивановна, Галя с фронта вернулась». Бросив флягу с мороженым, мать побежала домой. А сердце стучало от радости: Галя, дочка жива!

Галина была модница, любила наряжаться. Может быть, потому что в военные годы ходила в гимнастерке, пилотке и кирзовых сапогах. Совсем не ела гречневую кашу – досыта наелась на фронте.

Через трудные километры фронтовых дорог она в кармане гимнастерки пронесла фотокарточку младшей сестренки Нины.

«На войне в редкие часы затишья думалось о будущем, о том, как будем жить после войны, если выживем в этой страшной битве. Между боями такие

мысли постоянно приходили в голову, хотя в любую минуту могла прилететь шальная пуля, осколок снаряда или мины, но мы были уже крепко обстрелянные солдаты. Молодость брала свое: мы пели любимые песни, танцевали, радовались приближению весны, мечтали о доме, и на душе становилось теплей и спокойней.

А война шла. Страшная и беспощадная. Однажды вражеской пулеметной очередью мне прошило шапку-ушанку, задело голову и немного контузило. К счастью, я

скоро выздоровела, выжила, но... стала седой. И это в двадцать лет!», – вспоминала позднее моя баба Галя.

Много лет Галина Николаевна проработала заведующей научно-медицинской библиотекой областной больницы. Тихий, скромный, добрейшей души человек и в то же время снайпер, прошедшая войну! Награждена медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами.

10 августа 1952 года дед с 7-летним внуком Мишей пошел на речку купаться. В молодости переплывал Иртыш – был прекрасный пловец. Недалеко от берега он нырнул, попал в воронку, стал тонуть. Три раза выныривал и кричал: «Спасите!». Студент, находившийся поблизости, спасти не стал: испугался опасного места – воронки. Дед на глазах у внука утонул. Его дочь Галина, взглянув в окно и увидев Мишу с одеждой отца подмышкой, упала, потеряв сознание. В эту ночь до срока родился ее сын Сергей. Дед умер, а внук родился.

Этим утром, словно чувствуя, что не вернется, Николай Филиппович аккуратно сложил большую поленницу дров возле сарая.

Его жена Поля всю ночь стояла у раскрытого окна и смотрела в сторону реки: надеясь на чудо, ждала своего Колю. Сердце ее не верило, что мужа больше нет.

Моя прабабушка переживет прадеда на 30 с лишним лет и покинет мир почти в 90.

Незадолго до смерти Полина Ивановна с грустью напевала строки из своей любимой песни: «Ты молод был, а я красой сияла и думала, что вечно будешь мой...»

**МОЯ ЯМСКАЯ СЛОБОДА
ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ «СТОЛИЦЫ ДЕРЕВЕНЬ»**

Городов есть на свете немало,
Много сложено песен о них,
Но есть город такой за Уралом –
Для меня он дороже других...
Ближе сердцу его не найдётся.
Красотой своей не повторим. Этот
город Тюменью зовется
И судьба моя связана с ним.

Игорь Соболев

Во времена моей юности Тюмень называли «столицей деревень». Город был небольшим, провинциальным, грязным. Тюменская грязь прославилась с легкой руки классика – Антона Павловича Чехова, но все равно город был любим. Это моя малая Родина. Более точно, я родом из Ямской слободы. Здесь прошла моя юность, да и не только. Вся моя жизнь связана с любимой Ямской слободой.

Захотелось побывать на местах моей юности, а это были военные и послевоенные годы. Я жила напротив Троицкого монастыря.

Выхожу на площадь перед Троицким монастырём. Теперь это площадь имени Филафея Лещинского с памятником просветителю, а раньше был пустырь – место детских игр. Посреди площади стоял высокий столб с закреплёнными на его вершине канатными веревками, которые внизу заканчивались большой петлёй. В петлю «садились» подростки и начинали раскачиваться. Это сооружение называлось «исполинкой». Для такой забавы нужна была определённая смелость. Здесь же играли в лапту, в городки. А во многих дворах устраивалась такое

развлечение: на короткое брёвнышко клали длинную доску, на конец которой становились по одному. Затем поочерёдно подпрыгивали.

Ближе к дороге, которая, как и теперь, проходила вдоль стен монастыря, но была грунтовой, частично покрытой деревянным настилом, стояла водокачка – небольшая такая избушка. Для подачи воды выведены трубы на разных уровнях. Через низко расположенную трубу наливали воду в вёдра, помнится. Продавали по одной копейке за ведро. Деньги опускали в небольшой ящичек, который был вмонтирован в оконную раму водокачки и, как челнок сновал туда-сюда. Женщины шли за водой с вёдрами на коромысле. В семьях, где росли девочки, были специальные детские коромысла и небольшие ведёрки.

Через верхнюю трубу, с большим диаметром, наливали бочки, чаны, которые подвозили летом – на телеге, зимой на саних с помощью лошадей. Зимой водокачка покрывалась множеством длинных сосулек и была похожа на сказочную избушку. Очень было распространено катание на коньках за лошадью, запряженной в сани. Можно было видеть такую картину: ребята цепляются за сани длинными крючками из толстой проволоки и едут пока не заметит их возница. Хотя лошадь не машина, но это занятие безопасным не назовешь. Автомашина, кстати сказать, была явлением редким.

В летние месяцы подростки, взрослые и даже семьями с большим удовольствием ходили на Туру, благо река была рядом. Спуск между Троицким монастырем и садом деревообделочников был удобным, а пляж, конечно, диким, но с «золотым» песком. Сад был обнесен деревянным забором. В саду (он ещё назывался Дунькиным – по имени женщины – дворянки). Вечером перед духовым оркестром «сколько ж здесь было

танцующих пар. Сколько ж здесь песен звенело». А днем ребяташки играли здесь в прятки. Прятаться было где: три аллеи из клёнов, тополей и сирени. Помнится, на территории сада как-то вырос двухэтажный деревянный дом, в нём жил тюменский художник Александр Митинский. Теперь территорию сада «доедает» река Тура. Я очень тревожусь, что аппетит реки растёт быстрее, чем строительство набережной. С высоты садового крутояра, как и сейчас, Заречье было видно, как на ладони, но самым ближайшим объектом был деревянный мост, построенный в 1924-1926 годах. В отличие от современных мостов, первый мост через Туру был построен низко над водой в устье Тюменки. Два центральных пролёта были сделаны так, чтобы под ними проходили речные суда. О. Смирнов писал, что тюменский мост был «внесён, как один из красивейших деревянных мостов мира в почётный список Шведской академии наук».

В 1982г. центральный пролёт моста сорвался с опор и рухнул в реку. Мост остался только на фотографиях и в памяти тюменцев, в моей в том числе. Теперь его заменил мост Влюблённых.

Далее выхожу на Никольскую площадь, начало улицы Луначарского (Никольской). Я не только хожу всю жизнь по улице Луначарского, но улица Луначарского прошла через всю мою жизнь.

Первым моим «университетом» был детский сад № 12, размещавшийся в полукаменном двухэтажном доме, вблизи Крестовоздвиженской церкви на улице Луначарского. В этом же доме располагалась библиотека (теперь на этом месте пятиэтажный дом, первый этаж которого занимает гастроном). Начальное образование я получила в школе № 10 (Луначарского, 8), аттестат зрелости – в школе № 26 (Луначарского, 40).

На этой же улице жил мой будущий муж. Мы жили на разных сторонах улицы. Наши окна не смотрели друг на друга, но всё-таки мы увиделись. И на этой улице сложился наш семейный союз. Здесь появились наши дети и на этой улице прошли почти 50 моих трудовых лет.

Однако оставим биографические подробности и вспомним, какой была улица Луначарского в пору моей юности, а это военные и послевоенные годы. В памяти всплывает улица, застроенная маленькими одноэтажными домами с тесовыми крышами, да ставнями на окнах. Деревянной резьбы, так характерной для Тюмени, было очень мало. Не было на улицах Луначарского и Ямской палисадников с черёмухой да рябиной, которые были почти у каждого дома на других улицах Ямской слободы. Ворота некоторых домов имели узорчатые металлические украшения, встречались и дымники. Двухэтажные дома, как и дома в кирпичном исполнении были явлениями редкими – ведь это самая древняя улица Затюменки. Крестовоздвиженская церковь была разрушена, а вот дома построенные стараниями купцов стояли (и стоят крепко до сих пор). Здесь, как и прежде, красуется шедевр зодчества бывшее коммерческое училище (теперь архитектурный университет) – визитная карточка Тюмени. Это моё любимое место юрода. Утверждалось, что автор проекта – Вячеслав Олтаржевский, а теперь выясняется ещё одна фамилия проектировщика – Ивана Ивановича Рсрберга. И теперь историкам предстоит выяснить кто же автор проекта. А может быть оба? Они были знакомы, но независимо от авторства, хочется сказать спасибо архитектору и купцам Колокольниковым за создание такого архитектурного ВЕЛИКОЛЕПИЯ! С образованием области здесь размещались властные структуры. Парадная дверь у здания была одна, теперь их три, но функции свои они потеряли. Красно-кирпичный добротный дом №14 (1905г.) своим появлением тоже

обязан купцам Колокольниковым. Здесь была частная школа, средняя школа № 22, теперь вечерняя школа. Кстати сказать, директор школы в 2005г. устроила праздник в связи со 100 – летием здания! Я была удостоена приглашения – это единственный в моей жизни юбилей здания! Строили на века! Немало сделали Колокольниковы для Тюмени. Теперь, я понимаю, почему моя мама при жизни всегда с благоговением произносила фамилию Колокольниковы.

Сейчас в этих зданиях звучит смех и говор молодых, грызущих гранит науки. А в годы военного лихолетья они были наполнены стоном и болью раненых, здесь размещался госпиталь. Группами и в одиночку, мы, молодёжь, посещали раненых, ухаживали, выступали с концертами художественной самодеятельности. На углу с ул. Казанской (дом № 8) размещались начальная школа № 10 (теперь это часть архитектурного университета), в доме № 10 – где жили Колокольниковы – обозостроительный завод, теперь это ОАО «Металист».

Улица Луначарского была единственной улицей Ямской слободы с твердым дорожным покрытием – булыжником, да потом, чуть позже, ул. Коммунистическая сменила своё деревянное покрытие на булыжное. Тротуары были деревянными, у каждого дома разные, т.к. строителем был владелец дома. Некоторые до метра шириной, а некоторые в виде узкой деревянной тропинки. Нередко было так: встанешь на один конец доски, а другой поднимается. Стандартные широкие тротуары были только на улице Республики, но тоже деревянные. Уборка уличных территорий, прилегающих к частным домам, вменялась в обязанность домовладельцев. Было даже такое – обязывали чистить проезжую часть дороги. По обе стороны уличной дороги били канавы, летом зарастающие травой. Жители пасли коз, привязанных к колышку в канавах. Почти у каждого дома

кудахтали куры и важно прохаживались петухи. Многие жители улицы держали и коров. Была корова и у нашей семьи, когда мы жили в доме № 42 по улице Луначарского (теперь дом снесён). Трудно представить сейчас: гостевая улица Луначарского и коровы. Но что было, то было. Для военной и послевоенной Затюменки были обычны такие картинки: школьники, запряженные в сани, везли чурки из Плеханово, чтобы дежурный класс протопил школьные печи. Курсанты, в то время таллиннского училища, ходили не только под ружьём, но под поленом (шли строем, у каждого на плече – полено). Воистину армия – всемогуща!

Население города было немногочисленным. Автомашин было мало, личных не было вообще, даже именитые люди ходили пешком. Так, на центральных улицах города можно было видеть идущими прославленных артистов тюменского театра драмы (группа была небольшой и мы каждого артиста знали в лицо): Евгения Матвеева, в будущем заслуженного артиста или комедийную актрису Нину Кардонскую и других. Правда, в Ямской слободе они не были замечены, ведь это была окраина города. Здание школы № 26 было последним в Затюменке, далее располагался только военный городок. Здесь была и последняя остановка автобуса. Автобус был далёк от современного автобуса: это была грузовая автомашина, полуторка – грузоподъёмностью в полторы тонны. В открытом сверху кузове в два ряда были сделаны скамейки. Задний борт имел дверцу, около неё снизу несколько ступенек лестницы. Мне довелось ездить в первозданном тюменском автобусе. Заканчивалась улица Луначарского школой № 26. Закончилась и моя прогулка. Таким был город моей юности. Черты к портрету «столицы деревень» могут вызвать и горечь, и улыбку, но во все времена и в любой ипостаси Тюмень была мною любима. Да разве

можно её не любить?! Приглашаю Вас на прогулку по предзимней Тюмени. Всё познаётся в сравнении. Сравните былое и день сегодняшней. Вы увидите много нового, что появилось в сердце нефтяного штата. Теперь это город один из известнейших в мире и другого такого в стране нашей нет. Не случайно Тюмень заняла третье место в конкурсе «Самый благоустроенный город России». Ай-да, Тюмень! Теперь и до высшего пьедестала недалеко!

Дерзай Любимый!

Город над Турой.

Я горжусь тобой,

Я люблю тебя

И разумом и сердцем.

Счастье моё в том,

Что я могу назвать себя тюменкой!

С ДОБРЫМ УТРОМ!

По утрам Тюмень умывается синевой, и на всём лежит аквамариновая тень. Так отрадна, так любима дорога в школу по этой утренней сини!

Взбодрившись утренней свежестью, с радостью принимаешь приглашение подъехавшего автобуса. Привычно садишься у окна и начинаешь обычный уже, молчаливый разговор...

Взглядом, улыбкой, едва заметным кивком приветствуешь ты старых знакомцев, проносящихся мимо... Оживающие, вглядывающиеся светлыми окнами в грядущий день дома, ждущие новых шагов улицы, готовые задремать фонари, вечно бодрствующие скульптуры, надолго уснувшие фонтаны – всё это, подхватываемое вихрем дороги, едва успевает шепнуть: «С добрым утром!»

А синь уже бледнеет, разгорается над Турою неизменно щемящий, зовущий куда-то рассвет. Огни другого берега – замершие отражения ночи – гасят свои созвездия. Спокойно устремляются ввысь необъяснимо крылатые церкви – сдержанно-величавая Никольская, обновлённая, помолодевшая Георгиевская, притаившаяся Архангела Михаила, церковь Спаса в своём нарядном уборе... Каждый храм – словно благословение в дороге, дарящее покой, согласие с миром.

Церкви отмеряют путь: он начинается искристыми куполами Свято-Троицкого монастыря, а кончается изменчивой маковкой часовни Дмитрия Донского. Эта маковка всегда отражает утреннее небо-то иссиня-чёрное, то цвета бирюзы, то нежного бледно-зелёного оттенка...

Но прежде – центральные улицы. Они бодрят огнями, торопливой походкой транспорта, энергично-резкими высотками. Самая оживлённая, самая деловая – как всегда,

улица Республики. Именно здесь начинаешь чувствовать пульс города, биение набирающей обороты жизни.

Но вот и твоя остановка. Чуть перехватывает дыхание от морозного воздуха октября. Кончается утренняя дорога, пробуждающая, просветляющая... Начинается день.

СПАСИБО, СНЕГ ТЕБЕ

Сегодня был первый Снег. Оказалось, он забежал в Тюмень ненароком, поэтому укрыл землю не очень толстым слоем. Однако казалось, Зима расстелила своё покрывало на весь её календарный период и даже дольше. Но первый посланец Зимы оказался таким хилым и слабым, что через некоторое время стал медленно таять. Снег был ещё молодой, неопытный и не знал, где взять силы и окрепнуть, чтобы хорошо укрывать землю.

Устыдившись своей немощи, он не нашёл ничего лучшего как медленно уйти в свои снежные края, набраться сил и вернуться. Поэтому Снег начал таять. Земля вновь обнажилась и дрожала от холода. Морозы стояли не суровые для сибирской зимы, но достаточно крепкие, чтобы заморозить некоторые растения. Так же тяжело в это время беленьким зайчишкам уберечься от острого глаза охотника или стервятника в небе на поверхности черной земли.

Первый Снег ушёл, а природа беспокоится в ожидании постоянного покрова, хлеборобы за посевы, дачники за свои сиротливо-оголённые плодовые деревца и кустарники – яблоньки, сливы, вишни. На некоторых грядках, почуяв тёплое солнышко, вылезли на свет тонкие робкие росточки тюльпанов или озимого чеснока.

Наконец, внемля голосу разума, Зима решила отправить на землю возмужавший Снег. Это был праздник души! Случайно подойдя к окну, я замерла от восхищения: в свете уличных фонарей кружились в быстром танце крупные Снежинки. На память пришли строки Бориса Пастернака: «Как летом роem, мошкара летит на пламя, слетались хлопья со двора к оконной раме».

Казалось, что за окном шёл балетный спектакль. Снежинки, то дружно подбегали и кружились возле самого стекла, то вдруг, вихрем уносились прочь, затем прилетали опять, но уже в другом ритме. Иногда на импровизированной сцене оставались одна или две, и они показывали мне, как зрителю, сольные или дуэтные номера. В ушах звучала музыка из сокровищницы балетной классики, а перед глазами хлопья – Снежинки воплощали свой полёт в менуэтах, фуэте, адажио и т.п. Здесь были фрагменты балетов «Лебединое озеро», «Щелкунчик». «Спящая красавица», «Гаянэ», «Спартак», «Кармен-сюита» и др.

Погасив в комнате свет, затаив дыхание, я заморожено смотрела этот дивный показ довольно долго. Постепенно ветер начал стихать и снегопад прекратился.

Наутро я вышла на улицу посмотреть белую Тюмень. Действительно, город был нарядно-красивым и необычно чистым. Белый наряд украшал улицы, тротуары, газоны. Прохожих, как и машин, в ранний час выходного дня, было ещё немного, Невероятная белизна Снега резала глаз, а на душе был праздник. Она, душа, умылась и очистилась этим свежим Снегом, а многие предстоящие события рассматривались по-иному. Реальность стала более лёгкой, появилось больше уверенности и том, что если не всё, то многое будет хорошо. И три принцессы Вера, Надежда, Любовь пусть и некоторое время, будут править бал в моей душе. А это уже немало, И я говорю: «Спасибо, Снег, тебе! Ты пришёл и окрасил жизнь в светлые тона. Постепенно ты потемнеешь, и придут неприятности, но за эти мгновения душевного мира и покоя я благодарю тебя, Снег!»

NOTE BANE. ТЮМЕНЬ

При въезде в город с востока любого проезжающего встречает Дева-Тюмень, летящая, стремительная, с ключами в руке, гостеприимно приглашающая всех и каждого познакомиться с первым русским городом, который открыл врата в эту некогда неведомую для русских страну Сибирь. Какая она – Тюмень? Куда стремиться, куда летит?

Высотки новых строящихся, растущих всё выше и выше микрорайонов и деревянные почерневшие от времени домики Затюменки и Зареки. Старое и новое. Что лучше? Тишина старых тихих улочек, щебетанье птиц, неспешные полёты сорок, властительниц кое-где ещё уцелевших тополей и непролазная грязь после обильных дождей, Патриархальное, деревянное, деревенское.... И ультрасовременные улицы-магистралы с яркими витринами, с чадом и дымом несметного количества автомобилей, которые часами простаивают в очередях-пробках. Торговые центры полны товарами, вечно спешащими куда-то людьми.

Контрасты Тюмени, как и любого старинного города, на лицо. Старое и новое уживаются, переплетаются, соединяются мостами и вечной спутницей города рекой Турой, всё вместе образует разноликий мегаполис с многообразием улиц, скверов, площадей и на каждой улице, в каждом микрорайоне есть своя изюминка, что-то присущее только им. На улицах, кажущихся на первый взгляд такими одинаковыми, живут различные люди. Но все они – граждане Тюмени и все хотят, ну пусть не все, большинство, чтобы их город стал краше,

благоустроенней и в то же время, чтобы осталась привычной неизменной их улица, родной дом, район, город, в котором выросли. Человек по своей сути – ретроград, пленник устоявшегося уклада жизни, присущих ему привычек. И мы не желаем менять эти привычки. Когда на месте крохотной берёзовой рощицы, ущемлённой со всех сторон асфальтом, или родных с детства деревьев, росших здесь с незапамятных времен и на которые вы в своё время неоднократно лазали с такими же пацанами-сорванцами, стараясь подняться на самый верх громадного тополя, вдруг появляется котлован для фундамента многоквартирного дома или торгового центра, человек протестует, не понимая, чем и кому помешали старенькие, родные для всей улицы деревья. Но город строится, растёт и многие люди хотят жить в новых современных благоустроенных квартирах. Но не всем по душе каменные джунгли, им нужен ухоженный двор с детской площадкой, с деревьями под окнами, а не рычащими автомобилями, с цветами на клумбах и на балконах, с воздухом у родного дома, которым можно дышать. Пешеходный мост – мост Влюблённых, символ молодого города. Однажды я стал невольным свидетелем любопытного случая, произошедшего на нём. Кошка. Ничем не примечательная, обычная домашняя серая кошка, с белыми крапинами на мордочке и белым пятном на левой лапке. Сидит на узких перилах моста, и задумчиво склонив голову, наблюдает за рекой. Что привлекло её внимание? Плеск медленно перекатывающихся волн, блики солнечных зайчиков, играющих со своим отражением в воде или белые чайки, кружащие у тёмной речной воды. А может, остроглазая охотница увидела какую-то рыбину или другую живность, скрытую от человеческих глаз в мутной волне Туры. Порыв ветра, внезапно налетевший с реки, заставил любопытного зверька насторожиться и оторвать взгляд

горящих ярко-жёлтым огнём глаз от бурлящей воды. Дождавшись, когда стихнет ветер, кошка медленно пошла по перилам моста по направлению к музею, не обращая никакого внимания на замки, приметку нынешнего времени, которыми увешаны, как оковами любви, перила моста, ни на спешащих в ту и другую сторону прохожих. Новый сильный порыв ветра чуть было не свалил смелое животное в реку, но она, как искусный эквилибрист, удержалась на перилах моста, ловко балансируя хвостом. Прошла ещё несколько шажочков, грациозно спрыгнула на мост и не спеша, важно направилась в сторону Зареки. Спустилась по ступеням круто сбегавшей вниз лестницы, подошла к рядом стоящей колонке, напилась из лужи и двинулась через Береговую к деревянному дому с резными ставнями. Перешла улицу и скрылась в тёмно-зелёной пыльной траве в тени высокого забора. Больше я кошку не видел. По-видимому, задремала в тихом тенистом закуточке.

Обновлённая колокольня Знаменской церкви ударила перезвоном, известив о начале службы. Восстановление её затянулось, но пусть и медленно, но верно идёт к завершению. И она многострадальная скоро предстанет во всей своей первозданной красе, Купола ее уже сияют солнечным огнём, и полнится колокольным звоном Зарека в дни православных праздников.

Справа, если смотреть с моста, дымит фанерный комбинат, бывшая спичечная фабрика Логинова. В недалёком будущем, если планы городских властей обретут реальность, комбинат покинет город и переедет в загородную промзону. Просуществовавший более века пейзаж левого берега Туры изменится. Что же здесь будет? По генплану – новый высотный микрорайон.

Набережная. Правый берег примеряет каменные одежды. Грандиозные лестницы спускаются к тёмной неторопливой воде. А Туре-реке и не зачем спешить в

этом суматошном неведомо куда летящий двадцать первый век. Когда-то с XVII по XIX века, да и в первой половине XX она была более торопливой. Тысячи тонн грузов нужно было перевезти реке за короткое время сибирской навигации. На Туре было множество пристаней, на них кипела работа. Разгружались и загружались баржи, пароходы, парусные дощаники, паузки, на которых грузы подвозились к пароходам, стоящим на тюменском рейде, а с пароходов и тяжелогруженных барж товары везли к береговым причалам, Для доставки грузов также использовались плоты, курсировавшие между берегами реки, баржами и подходами, Подводу и людей с одного берега на другой доставлял паром, на смену, которому в двадцатых годах прошлого века пришёл деревянный мост, соединивший заречную улицу Мостовую (ныне улица Щербакова) с Никольским взвозом. Ещё в те далёкие от нас времена деревянные лестницы сбегали с крутого правого берега к пристаням и причалам реки. Можно было легко спуститься к воде, прогуляться по берегу или поудить рыбу, посидеть на деревянной скамейке, посмотреть на убегающие к Тоболу пенными барашками волны, послушать перезвоны колоколов живой ещё Знаменской церкви. Время неумолимо. Поезда, самолёты, большегрузные автомобили, вертолёт сняли бремя единственного доставщика товаров и грузов с труженицы-реки. Теперь немногочисленные баржи со стройматериалами, буровыми установками и другими товарами тянут на север тысячесильные буксиры-тягачи, пароходы доставляют туристов в Тобольский кремль и священный Абалак.

Давно нет деревянного моста. Чуть ниже по течению Туры возведён современный вантовый пешеходный мост, мост Влюблённых, символ года молодёжи, тот самый, где гуляла сама по себе серая кошка. В Тюмени есть целый

сквер монументальных котов и кошек, площадь Солнца, памятник Дворнику, грозятся воздвигнуть памятник легендарной лошади увязшей в тюменской грязи. Но нет достойного памятника Ермаку Тимофеевичу, позволившему Российскому государству прирастать богатствами земли сибирской. Чем же так не люб атаман нашим законодателям? Василий Аленин, сын Тимофеев, отец которого был выходцем из суздальской земли, возростал и мужал на реке Чусовой, ходил с вольными казаками по Каме и матушке Волге. Сильный, смелый, опытный воин, хитрый стратег, Ермак был призван владетелями уральских заводов и вотчин Строгановыми для защиты от набегов татар сибирских. По преданию сам Ермак предложил снарядить поход в земли неведомые для людей русских. Не будем глубоко вдаваться в историю государства русского, заметим только, что после взятия Епанчин городка (город Туринск Свердловской области), Ермак на стругах подошёл к Чинге-Туре и, высадившись на пологий левый берег, одержал победу над конниками Кучума. На том самом месте, где когда-то была столица Сибирского ханства, в 29-й день июля месяца 1586 года был заложен Тюменский острог, положивший начало граду Тюмени. Камень, на исторической площади, извещающий об этом событии, будь-то бы и есть памятник первооткрывателю Сибири и его доблестным казакам, державе русской преподнёсшим бескрайние по расстояниям и неисчерпаемые по богатствам недр благодатные и суровые земли Беловодья – Сибири, распростёршей свои белые крылья от Уральского Камня до Тихого океана. Судите сами, велика или мала заслуга человека этого перед Россией, достоин ли он памятника в первом русском граде сибирском. Новочеркасск и Иркутск почли своим долгом воздвигнуть памятники атаману Ермаку Тимофеевичу, хотя там он за годы своей многотрудной жизни никогда не бывал.

Сорок пять лет тому назад началось промышленное освоение нефтяных и газовых запасов Западной Сибири. Тюмень провинциальная с деревянными тротуарами на главных улицах, с населением чуть более ста тысяч человек становится командным пунктом, базовой площадкой для освоения Севера.

Здесь создаются новые промышленные предприятия научно-исследовательские институты, отсюда из Тюмени буровики едут открывать и обустраивать Самотлор и Уренгой, Лангепас и Надым, Ноябрьск, Когалым. Всё не перечислить. Необъятные просторы Тюменской области превращаются в единую ударную стройку. Строятся нефте- и газопроводы, нефтеперерабатывающие предприятия, заводы, новые города, весь Союз участвует в этой грандиозной стройке, Тюмень растёт, мужает, население её за два десятка лет утраивается и, хотя в самой Тюмени нет нефтяных скважин, она по праву становится нефтяной столицей Западной Сибири. Город меняет свой облик, в центре давно уже нет деревянных тротуаров, их сменили брусчатка, асфальт, гранит и мрамор. Высотные здания из стекла и бетона, новенький драмтеатр, обновлённая филармония, цирк с композицией всемирно известных клоунов перед входом, пешеходная зона – Цветной бульвар – украшение Тюмени. И в то же время дома-музеи Мшнарова, Колокольникова, деревянное здание библиотеки на улице Щербакова и немного другое сохранённое и отреставрированное украшают города не хуже мрамора, стекла и бетона. Городу необходима память о прошлом, о предках, о том, что было до нас и как, и кем, оно создавалось. Также как и человеку, не должно быть городу нашему Иваном, не помнящим родства, Памятны пусть будут для нынешних и будущих поколений купцы тюменские стоящие у истоков торговли, судостроения и судоходства начатого именно с тюменских стапелей и верфей. И пусть путь к

процветанию, на который они ступили, преодолевая многие трудности, как первопроходцы, будет продолжен будущими поколениями и ведёт к новым свершениям, к новым вершинам благосостояния для всех граждан Тюмени и области. Один из великих людей нашего края Николай Мартемьянович Чукмалдин, выросший в крестьянской семье и ставший одним из богатейших тюменцев, сказал, как бы, подытоживая свою жизнь: «Всё что добыто несправедливо, посредством обмана, своекорыстия и зла, носит в самом себе смерть. Жизненно и прочно одно добро». Так пусть же родная Тюмень и тюменцы живут и стремятся к процветанию, соглашаясь с этим принципом. И понятно, что, уверовав в это, и в толику своих сил устремившись к добру, все сразу не смогут жить в достатке и полностью удовлетворить свои потребности, Но даже само стремление к этому похвально и жизненно важно.

14 августа 2009 года Тюменской области исполнилось 65 лет. Для человека возраст почтенный. Для державы, области или города срок не большой. В год своего образования, в военном сорок четвёртом область жила по лозунгу «Всё для фронта! Всё для победы!», в 60-80 годах двадцатого века «Даёшь стране тюменскую нефть!» и «Миллион пудов хлеба в закрома Родины!», Сейчас менталитет поменялся. Во главу угла поставлено личное обогащение. Деньги – мерило всего. А хорошо если бы лозунгом наших дней стало «Человек – это звучит гордо!», всё для человека и во благо его. Воспитание подрастающего поколения, правильная расстановка жизненных приоритетов у тех, кто будет строить, и создавать будущее, залог достойной старости для нынешнего трудоспособного населения Тюмени, области и России в целом.

Сборник произведений

Ода Тюмени

Подписано в печать 24.12.09. Печать обложки офсетная.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,185
Тираж 100 экз.

Изготовлено в типографии «Печатный дом «Слово».
Тюмень, ул. 30 лет Победы, 81/3.

